

"О, память сердца! ты сильнее
рассудка памяти печальной..."

Ярославль
2017

Департамент культуры Ярославской области
Государственное учреждение культуры Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»
Научно-методический отдел

***«О, память сердца! ты сильнее
рассудка памяти печальной...»***

*(к 230-летию со дня рождения
К.Н. Батюшкова)*

Вечер-портрет

*Ярославль
2017*

83.3(2Рос=Рус)1
О-11

«О, память сердца! ты сильнее рассудка памяти печальной...» (к 230-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова): вечер-портрет / авт.-сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», научно-методический отдел. - Ярославль, 2017. – 34 с. – (В творческую копилку библиотекаря).

БИБЛИОТЕКАРЮ

Предлагаем вашему вниманию методическое пособие, которое содержит богатый фактический и литературный материал о Константине Николаевиче Батюшкове (1787-1855) и выходит к 230-летию со дня рождения поэта. Замечательный писатель Варлам Шаламов, прошедший все круги гулаговского ада, писал в конце жизни о своём впечатлении от поэзии Батюшкова: «...Отец не любил стихов, боялся их тёмной власти, далёкой от разума, и главное – от здравого смысла. Поэтому только взрослым мне удалось повторить своими губами и гортанью: "О, память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной", – и понять его удивительную допушкинскую власть над словом, более свободную, чем у Пушкина, более необузданную, хранящую самые неожиданные открытия. Если бы не было Пушкина, русская поэзия в лице Батюшкова, Державина и Жуковского стояла бы на своём месте... В допушкинских поэтах есть всё, что даёт место в мировой литературе русским именам»¹.

Вечер-портрет «О, память сердца! ты сильнее рассудка памяти печальной...» выходит в серии «В творческую копилку библиотекаря» и носит исследовательский характер, что предполагает его использование как в заявленном формате, так и выборочно – в качестве включения в мероприятия патриотической и краеведческой направленности, литературные часы, обзоры, а также для расширения кругозора библиотекаря.

¹ Шаламов В. Четвёртая Вологда / Варлам Шаламов // Наше наследие. – 1988. – № 3. – С. 59.

**«О, ПАМЯТЬ СЕРДЦА! ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА
ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ...»**

(Вечер-портрет

к 230-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова)

Ведущий.

Среди старинных архитектурных красот Вологды на площади стоит бронзовый памятник, рождённый творческой фантазией скульптора Вячеслава Клыкова: человек с непокрытой головой, просто одетый и скромный, ведёт в поводу лошадь. Эта поэтическая группа легко бы вписалась в картину старинной усадьбы, упоительно пахнущей цветами и травами летом и занесённой снегами зимой – бедной усадьбы Константина Батюшкова, – но кажется странной в окружении столичного вида храмов и золота куполов.

«Пожалей обо мне. Я в снегах, около меня снег и лёд. Здоровье плохо, очень плохо, но я тружусь и исполню обещание, пришлю стихи. Портрета никак!.. Крылов, Карамзин, Жуковский заслужили славу: на их изображение приятно взглянуть. Что в моей роже? Ничего авторского, кроме носа крючком и бледности мертвеца: укатали бурку крутые горки!»² – пишет сбежавший от петербургской славы в свои вологодские снега блистательный поэт Батюшков другу.

Станный человек, странный писатель. Он удивлял друзей своими «софизмами»³, раздражал нелогичными поступками. Он удивлял первых читателей необычностью и странной привлекательностью созданных им «безделок».

² Из письма К. Батюшкова Н. Гнедичу середины января 1817 года. Цит. по: Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти / В.А. Кошелев. – Москва: Современник, 1987. – С. 242.

³ Софизм (от греч. «мастерство, умение, хитрая выдумка, уловка, мудрость») – сложное рассуждение, основанное на преднамеренном, сознательном нарушении правил логики, иногда намеренно запутанное с целью показать умственное превосходство или ввести в заблуждение.

Он удивляет исследователей, которые в этих безделках находят начатки многих будущих литературных направлений: от сентиментализма, неоклассицизма и романтизма до реализма и декадентских мотивов. В нём одновременно уживались и романтик, воспевающий радости жизни, – и поэт-фронтовик в самом точном значении этого слова.

Как мало мы знаем о поэте, явные или скрытые цитаты из элегий которого, с упоением артистичностью и художественностью его стиха, мы находим даже у зрелого Пушкина, – как мало мы знаем о Батюшкове! Отдельные факты его биографии были сведены воедино только в конце XIX столетия, то есть через сто лет после появления поэта на свет; утеряны многие документы, сохранилось менее половины его литературных произведений. А потому целостный образ Константина Батюшкова воссоздать трудно. Откроем же, словно в разрозненном старинном томе, хотя бы отдельные страницы его замечательной жизни, его высокой и прекрасной души. И путеводителем нам послужат строки, написанные рукой самого поэта.

Чтец.

Я видел страну, близкую к полюсу, соседнюю Гиперборейскому морю, где природа бедна и угрюма, где солнце греет постоянно только в течение двух месяцев, но где, так же как в странах, благословенных природою, люди могут находить счастье (Константин Батюшков, 1809 год).

Ведущий.

Гиперборéя (с древнегреческого – «за Бореем», «за северным ветром») – легендарная северная страна, где живут гипербореи – мудрецы, особенно любимые древнегреческим богом Аполлоном, покровителем искусств. Даже смерть приходит к ним только как

избавление от жизненного пресыщения, и они, испытав все наслаждения, бросаются в море... Эти люди владеют древними божественными символами: стрелой, вороном и лавром Аполлона. Они, обладая чудодейственной силой, призваны обучать людей искусствам и создавать новые культурные ценности. Рождённым среди таких гипербореев видел себя романтический поэт Батюшков. К этим же представлениям восходит эпикурейская⁴ тема в творчестве раннего Батюшкова:

Чтец.

Отгоните призрак славы!

Для веселья и забавы

Сейте розы на пути:

Скажем юности: лети!

Жизнью дай лишь насладиться;

Полной чашей радость пить...⁵

(«Весёлый час», 1806)

Ведущий.

Даже тема смерти у юного Константина подаётся как тема избавления от несчастий, и это остаётся в поздней лирике:

Чтец.

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? Сосуд,

Где капля мёду средь полыни...⁶

Ведущий.

⁴ Эпикурейская лирика – лирика, следующая философии древнегреческого философа Эпикура (её четыре принципа: не бойся богов; не беспокойся о смерти; благо легко достижимо; зло легко переносимо) и воспеваящая любовь, дружбу и радости жизни.

⁵ Батюшков К.Н. Стихотворения. – Москва: Художественная литература, 1987. – С. 163.

⁶ Там же, с. 148.

У Константина Батюшкова мы находим строки об уникальной ценности поэзии как жизни «внутреннего человека», а отсюда ценности бытия поэта и его стихов:

Чтец.

...Поэзия свойственна всему человечеству: там, где человек дышит воздухом, питается плодами земли, там, где он существует, – там же он наслаждается и чувствует добро и зло, любит и ненавидит, укоряет и ласкает, веселится и страдает. Сердце человеческое есть лучший источник поэзии...⁷

*Жуковский, время всё проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит...⁸*

Ведущий.

Откуда же он, гиперборей Батюшков? Как могла развиться такая душа – ведь ни грана романтики нет в его реальной суровой жизни, по которой прокатились все войны начала XIX века, а дружба и любовь оставили трагический след?

Чтец.

*Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею!
Она, известно вам, слепа;
Но я в глаза ей молвить смею:
«Оставь меня, я не поэт,
Я не учёный, не профессор,
Меня в календаре в числе счастливых нет...⁹*

⁷ Батюшков К.Н. Вечер у Кантемира. Цит. по: Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. – Москва: Современник, 1987. – С. 19.

⁸ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 275.

Ведущий.

По семейным преданиям, родоначальником Батюшковых был татарский хан по имени Батыш. Он влюбился в русскую княжну, женился на ней и перешёл на службу к московским князьям, приняв православную веру... Эта романтическая легенда не нашла подтверждения в документах, однако Батюшковы – действительно старинный дворянский род: в 1543 году Семён Дмитриевич Батюшков ездил посланником от Московского государства в землю Молдавскую, а Иван Михайлович служил есаулом в казанском походе Ивана Грозного.

Их потомок, Константин Николаевич Батюшков, родился в городе Вологде 18 мая 1787 года. Твёрдость духа, строгость нрава и успехи в военных предприятиях старших Батюшковых нашли отражение в родовом гербе, который был изображён на личной печати поэта и которым тот очень дорожил. Отсюда у Батюшкова стремление к воинской службе. Он не посрамил памяти предков: поэт участвовал в трёх войнах, причём в первой же был тяжело ранен и удостоен наград, о чём свидетельствует рескрипт Александра I.

Чтец.

Рескрипт.

Господин губернский секретарь Батюшков!
В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражении прошедшего мая 29-го при Гейльсберге и Лаунау противу французских войск, где вы, находясь впереди, поступали с особенным мужеством и неустрашимостью, жалую вас кавалером ордена святыя Анны третьего класса, коего знак у сего к вам доставляю, повелеваю

⁹ Там же, с. 293.

возложить на себя и носить по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей.

Пребываю вам благосклонный

Александр

Военный министр: Аракчеев

С.-Петербург, 20 мая 1808¹⁰.

Ведущий.

Потом была шведская кампания – в сумрачной Финляндии.

Чтец.

Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или древний замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях, или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно прошедших, – пагубные следы войны и разрушения!¹¹

Ведущий.

Батюшков уже не может воспринимать войну однозначно: любая победа заставляет задуматься о цене её, о цели её и о человеке, сложившем кости на холодной чужой земле. Всё это лежит грузом в душе и рождает тоску.

Чтец.

Теперь скажу вам о себе, что я обитаю славный град Надендаль, принадлежавший доселе трёхкоронному гербу скандинавскому... О Петербурге мы забыли и думать. Здесь так холодно, что у времени крылья примёрзли. Ужасное

¹⁰ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 73.

¹¹ Там же, с. 79.

единообразие. Скука стелется по снегам, а без затей сказать, так грустно в сей дикой бесплодной пустыне без книг, без общества и часто без вина, что мы середи с воскресеньем различить не умеем. И для того прошу вас покорнейше приказать купить мне Тассы¹² (которого я имел несчастье потерять) и Петрарка¹³, чем меня чувствительнейше одолжить изволите¹⁴.

К.Н. Батюшков – А.Н. Оленину.

24 марта 1809,

Надендаль

Ведущий.

Участвовал Батюшков и в Отечественной войне 1812-1813 годов, непереносимой болью прошедшей сквозь его сердце и поэтическое творчество.

Чтец.

Из письма П.А. Вяземскому¹⁵: «Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыни, мирное убежище наук, всё осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения, или, лучше сказать, разврата, остроумнейшего народа, который гордится именами Генриха¹⁶ и Фенелона¹⁷. Сколько зла! Когда будет ему конец? На чём основать надежды? Чем наслаждаться? А жизнь без надежды, без наслаждений – не жизнь, а

¹² Торквато Тассо (1544–1595) – итальянский поэт XVI века, автор поэмы «Освобождённый Иерусалим».

¹³ Франческо Петрарка (1304–1374) – итальянский поэт, глава старшего поколения гуманистов, один из величайших деятелей итальянского Возрождения.

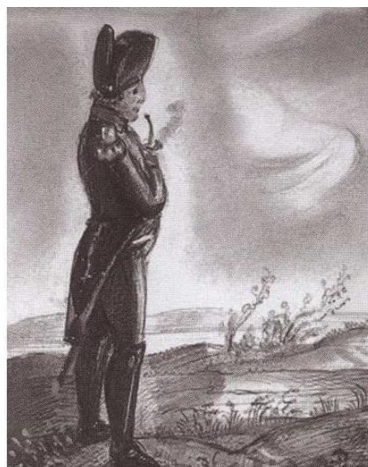
¹⁴ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 77.

¹⁵ Князь Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878) — русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель.

¹⁶ Генрих (Анри) IV Великий (Генрих Наваррский, Генрих Бурбон; 1553 – убит 1610) – лидер гугенотов в конце Религиозных войн во Франции; король Франции; основатель французской королевской династии Бурбонов.

¹⁷ Франсуа де Салиньяк, маркиз де Ла Мот-Фенелон (1651 –1715) – французский священнослужитель, писатель, педагог, богослов. Автор знаменитого романа «Приключения Телемака» – литературного бестселлера XVIII–XIX веков.

мучение. Вот что меня влечёт в армию, где я буду жить физически и забуду на время собственные горести и горести моих друзей»¹⁸.

*Наполеон.
Рис. К.Н. Батюшкова*

Ведущий.

Он едет в армию через разорённую французами Москву, и рождаются строки, равных которым по искренности и силе чувства, по полному отсутствию наигранной патетики найдётся немного.

Чтец.

К Д<ашко>ву

*Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутии видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил;*

¹⁸ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 154-155.

*И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, –
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты мой друг, товарищ мой
Велишь мне петь любовь и радость
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирная цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид¹⁹ и ветреных Цирцей²⁰
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,*

¹⁹ Армида – один из самых поэтичных женских образов в поэме «Освобождённый Иерусалим» Торквато Тассо, написанной на основе исторических событий Первого крестового похода.

²⁰ Цирцея – в греческой мифологии дочь Гелиоса и океаниды Персеиды; коварная волшебница, которая в «Одиссее» Гомера с помощью магического напитка превращает спутников Одиссея в свиней.

*Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотолé будут мне
Все чужды Музы и Хариты²¹,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!²²*
Март 1813

Ведущий.

Вступление русских войск в Париж разительно отличалось от вступления французов в Москву. Там было оставление города, грабежи и пожары. Здесь всё походило на освобождение, а не на захват...

Чтец.

Из письма Батюшкова – Гнедичу²³, 27 марта 1814 года:
«С высоты Монترеля я увидел Париж, покрытый густым туманом, бесконечный ряд зданий, над которыми господствует Нотр-Дам с высокими башнями. Признаюсь, сердце затрепетало от радости! Сколько воспоминаний!.. Мы подвигались вперёд с большим уроном через Баньоле́т к Бельвилю, предместью Парижа. Все высоты заняты

²¹ Хариты (др.-греч. — «изящество, прелесть») — в древнегреческой мифологии три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Соответствуют римским грациям.

²² Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 61-63.

²³ Никола́й Ива́нович Гне́дич (1784–1833) — русский поэт, наиболее известный как переводчик на русский язык «Илиады» Гомера, друг К.Н. Батюшкова.

артиллериею; ещё минута – и Париж засыпан ядрами! Желать ли сего? Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали»²⁴.

Ведущий.

Батюшков входил в Париж под гул восторженной толпы. Волны народа бесновались на улицах, и перед ними, в совершенном порядке и стройности, маршировали союзные войска. У Батюшкова голова закружилась от шума, и он слез с лошади. Его тотчас обступили со всех сторон и принялись с живейшим интересом разглядывать, словно какого-то чудесного зверька.

Чтец.

В числе народа были и порядочные люди, и прекрасные женщины, которые взапуски делали мне странные вопросы: отчего у меня белокурые волосы, почему они длинные? «В Париже их носят короче. Артист Дюлон вас обстрижёт по моде». «И так хорошо», – говорили женщины. «Посмотри, у него кольцо на руке. Видно, и в России носят кольца. Мундир очень прост!.. Какая длинная лошадь!..» «Какие у него белые волосы!» «От снега», – сказал старик, пожимая плечами²⁵. Батюшков поспешно взобрался обратно на лошадь.

Ведущий

Наполеон свергнут и отправлен на остров Эльбу. Народ верёвками стаскивает статую Бонапарта с Трояновой колонны, а свидетеля этой сцены Константина Батюшкова будто обжигает... презрением.

Чтец.

²⁴ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 175.

²⁵ Там же, с. 176.

Суета сует!.. И та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь, и ветренная, и неблагодарная, накинула верёвку на голову... и тот самый неистовый, который кричал несколько лет назад тому: «Задавите короля кишками попов», тот самый неистовый кричит теперь: «Русские, спасители наши, дайте нам Бурбонов!..» О чудесный народ парижский, народ, достойный сожаления и смеха!²⁶

Ведущий.

Из глубины души Батюшкова вырывается странная для романтика оценка великого города.

Чтец.

Я смело уверяю вас, что Петербург гораздо красивее Парижа, что здесь хотя климат и теплее, но не лучше киевского, одним словом, – что я не желал бы провести мой век в столице французской, а во Франции ещё и менее того²⁷.

Ведущий.

И в разгар майского цветения парижских бульваров летит письмо Вяземскому в Россию...

Чтец.

*... Я с удовольствием воображаю себе минуту нашего соединения: мы выйдем Жуковского, Северина²⁸, возобновим старинный круг знакомых и на пепле Москвы, в объятиях дружбы, найдём ещё сладостную минуту, будем рассказывать наши подвиги, наши горести, и, притаясь где-нибудь в углу, **чашу ликovou** передавать из рук в руки...*

²⁶ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 178.

²⁷ Там же.

²⁸ Дмитрий Северин – сотрудник русской миссии в Лондоне, друг Батюшкова.

*Вот мои желания, мои надежды! ...Я в Париж въехал с восхищением и оставляю его с радостью*²⁹.

Ведущий.

И через Англию, чтобы встретиться с Севериным в Лондоне, Швецию и Финляндию поэт возвращается в Петербург. Будучи в обетованной Швеции, родине скальдов и древних викингов, Батюшков вдохновенно живописует развалины старого шведского замка, приведя в восторг этой элегией Вяземского, Жуковского, Пушкина. Вот отрывок из элегии «На развалинах замка в Швеции».

Чтец.

*И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает, —
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там Скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.*

*Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песни сей
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.*³⁰

²⁹ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 179.

³⁰ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 32.

Ведуший.

«Какой роскошный и вместе с тем упругий, крепкий стих!»³¹, – восклицал Белинский. Но, как обычно бывало с Батюшковым – восторги по поводу его творений сменялись недоумением знатоков, так как Батюшков интуитивно приходит не только к новым темам в своей поэзии, но и к новому поэтическому языку, к новому восприятию действительности, опередив современников на десятилетия. Он не рвался обнародовать свои открытия: они оставались в письмах друзьям, в черновиках, часто уничтожаемых им самим, и всерьёз не принимались.

Вот отрывок из великолепного переложения Батюшковым Песни Гаральда Смелого – знаменитого скандинавского скальда XI века, будущего норвежского короля, влюблённого в дочь Ярослава Мудрого Елизавету. Эта историческая элегия вошла во все антологии.

Чтец.

*Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окриляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.*

*Я в мирных родился полночи снегах,
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далёко*

³¹ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 183.

*От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.*³²
Февраль — 17 июля 1816

Ведущий.

Но откроем письмо Батюшкова П.А. Вяземскому по поводу этого произведения, и мы обнаружим подачу данной темы вовсе не в романтическом стиле того времени.

Чтец.

*...Вчера поутру... я вздумал идти в атаку на Гаральда
Смелого, то есть перевёл стихов с двадцать, но так
разгорячился, что нога заболела. Пар поэтический исчез,
и предо мной*

Явился вдруг... чухна³³ простой:

До плеч висящий волос

И грубый голос...

*Этого мало преображенья. Герой начал действовать:
ходить, и есть, и пить. Кушал необыкновенно поэтическим
образом:*

Он начал драть ногтями

Кусок баранины сырой.

Глотал её, как зверь лесной,

И утирался волосами.

*Я не говорил ни слова. У всякого свой обычай. Гомеровы
герои и наши калмыки то же делали на биваках. Но вот
что меня вывело из терпения: перед чухонцем стоял череп
убитого врага, окованный серебром, и бадья с вином.
Представь себе, что он сделал!*

Он череп ухватил кровавыми перстами,

³² Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 116.

³³ Чухна, чухонцы — народное название карело-финского населения окрестностей Петербурга.

*Налил в него вина
И всё хлестнул до дна...
Не шевельнув устами.*

*Я проснулся и дал себе честное слово никогда не воспевать
таких уродов, и тебе не советую...*³⁴

Ведущий.

Примеров подобного рода можно привести множество. В результате, Белинский, говоря о «блестящем даровании» Батюшкова, замечает:

Чтец.

*«Его талант был гораздо выше того, что сделано им»*³⁵ И ещё: «Батюшков как будто не сознавал своего призвания и не старался быть ему верным, тогда как Жуковский, руководимый непосредственным влечением своего духа, был верен своему романтизму и вполне исчерпал его в своих произведениях»³⁶.

Ведущий.

Удивительное дело: а Батюшков оказался неисчерпаем! Белинский, осуждая его незавершённость, просто не осознаёт этого: большое, как известно, видится на расстоянии. Слишком многое Батюшков начал, предоставив другим «развивать» и «дополнять» свои открытия, нимало не заботясь о «пальме первенства». Не случайно так и тянуло поэтов, которые шли за ним, вырастить урожай из зёрен, небрежно им разбросанных. В самом деле, *около* Батюшкова, в кругу его литературного направления, мы не найдём ни одного поэта, но *от* Батюшкова шли и Пушкин, и Рылеев, и Баратынский – и ещё десятки поэтов. И ни для одного из них Батюшков не стал «побеждённым учителем»,

³⁴ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 286-287.

³⁵ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 210.

³⁶ Там же.

как назвал себя Жуковский, прочитав поэму Пушкина «Руслан и Людмила». Батюшков оказался «учителем» особым: он открывал «ученику» возможность самому «доучиться». И в этом отношении Константин Батюшков явился феноменом русской духовной культуры.

А.С. Пушкин, даже в самых «пушкинских» своих созданиях, часто цитирует Батюшкова, чтобы вызвать нужные ассоциации. Начитанные современники легко, без всяких сносок, узнавали эти цитаты. Внесённые в иной контекст, они позволяли Пушкину добиться нужного ему оригинального оттенка.

Чтец.

К примеру, Татьяна, героиня романа «Евгений Онегин», восклицает:

*Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...*³⁷

Это цитата из стихотворения Батюшкова «Мои Пенаты»:

*Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует...*³⁸

Упоминание Татьяной неведомых ей *блистательных сует*, рядом с другими цитатами, помогает показать «книжность» восприятия окружающего мира героиней, её неопытность.

³⁷ Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-ти т. : Т. 4. – Москва, 1975. – С. 129.

³⁸ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 97.

Ведущий.

Заимствования из Батюшкова порой неожиданны для самого Пушкина. В книгу Батюшкова «Опыты» вошло «Послание к Т<ургене>ву» – экспромт, в котором поэт просил друга похлопотать о пособии некоей московской вдове Поповой и её дочери. В этот экспромт включена маленькая стихотворная повесть о бедствиях бедного московского семейства:

Чтец.

*Но кто они? – скажу точь-в-точь
Всю повесть их перед тобою.
Они – вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою...*³⁹

Ведущий.

Пометы Пушкина на полях по поводу этого стихотворения язвительны, а в конце сказано в адрес издателя: «Охота печатать всякий вздор!»⁴⁰. Даже Пушкин, по молодости своей, назвал вздором совершенно новое в лирике первых десятилетий XIX века, а именно: утверждение серьёзной философской значимости «простых» человеческих страданий, обыденной жизни.

Но пройдёт полтора десятилетия, и современники уже по поводу Пушкина будут говорить об «упадке гения» в связи с поэмами «Медный всадник» и «Домик в Коломне», где получила блестящее развитие тема, затронутая Батюшковым.

Чтец.

*...Почти у самого залива –
Забор некрашеный, да ива*

³⁹ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 102.

⁴⁰ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 208.:

*И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта...⁴¹ —*

читаем мы в «Медном всаднике» Пушкина.

И подобная же картина в поэме «Домик в Коломне»:

*Теперь начнём. — Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью...⁴²*

Ведущий.

Но если новаторство пушкинских созданий будет оценено потомками, то батюшковский экспромт окажется начисто забыт и заслонён шквалом произведений этого направления, написанных десятилетия спустя. Такова участь любого литературного «открывателя».

А если бы Белинскому был известен очерк Батюшкова «Прогулка по Москве», рассчитанный лишь на чтение в узком кругу друзей, он бы непременно отметил, что Батюшков «предугадал» в нём основные формы и приёмы физиологического очерка 1840-х годов. Хотя это были впечатления от прогулок по Москве 1810-1811 годов. Лёгкая, блистательная проза...

Чтец.

*Куда спешит этот пожилой холостяк? Он
задыхается от жиру, и пот с него катится ручьями. Он
спешит в Английский клуб пробовать нового повара и
заморский портер...⁴³ Этот, конечно, англичанин: он,*

⁴¹ Пушкин А.С. Медный всадник / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-ти т. : Т. 3. — Москва, 1975. — С. 262.

⁴² Пушкин А.С. Домик в Коломне / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-ти т. : Т. 3. — Москва, 1975. — С. 225.

⁴³ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 97.

*разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет! он русак и родился в Суздале. Ну, так этот – француз: он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревоушателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это старый франт, который не ездил далее Макарья и, промотав родовое имение, наживает новое картами...*⁴⁴

*Посторонитесь! Посторонитесь! Дайте дорогу... пожилой бригадирше, жарко нарумяненной, набелённой и закутанной в чёрную мантилью. Посторонитесь вы, господа, и вы, молодые девушки! Она ваш Аргус⁴⁵ неусыпный. ваша совесть, всё знает, всё замечает и завтра же поедет рассказывать по монастырям, что такая-то наступила на ногу такому-то, что этот побледнел, говоря с той, а та накануне поссорилась с мужем, потому что сегодня, разговаривая с его братом, разгорелась, как роза...*⁴⁶

...Великое стечение людей знакомых и незнакомых имели всегда особенную прелесть для ленивцев, для праздных и для тех, которые любят замечать физиономии. А я из числа первых и последних⁴⁷.

Ведущий.

Батюшков сам избирает для себя позицию «чудака», «доброго приятеля»,

Чтец.

*Который посреди рассеяний столицы
Тихонько замечал характеры и лица
Забавных москвичей;
Который с год зевал на балах богачей,*

⁴⁴ Там же, с. 96.

⁴⁵ Аргус – в древнегреческой мифологии многоглазый великан; в переносном смысле — неусыпный страж.

⁴⁶ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 98.

⁴⁷ Там же.

*Зевал в концерте и в собрание
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал,
Но дружбы и тебя нигде не забывал*⁴⁸.

Ведущий.

В этой последней строке, обращённой к Николаю Гнедичу, суть разницы между Батюшковым и «онегинским» типом в русской жизни (Онегин ведь тоже *...равно зевал Среди модных и старинных зал*⁴⁹). Некоторые исследователи видят только сходство, но чего не было у Батюшкова – так это онегинской холодности и равнодушия. В записной книжке поэта «Чужое: моё сокровище!», предвосхитившей исповедальную прозу семидесятых годов XIX века, дан портрет «странного человека, каких много»⁵⁰:

Чтец.

Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя, посмотришь завтра – ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лицо у него точно доброе, как сердце, но столь же непостоянно. Он тонок, сух, бледен, как полотно. Он перенёс три войны и на биваках был здоров, в покое – умирал. ...Он мало вещей или обязанностей считает за долг, ибо его маленькая голова любит философствовать, но так криво, так косо, что это вредит ему беспрестанно. он служил в военной службе и в гражданской: в первой очень усердно и очень неудачно; во второй – удачно и очень неусердно. Обе службы ему

⁴⁸ Батюшков К.Н. Прогулка по Москве // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; изд. подгот. И.М. Семенко. – Москва: Наука, 1977. – (Литературные памятники). – С. 379.

⁴⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-ти т. : Т. 4. – Москва, 1975. – С. 31.

⁵⁰ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 249.

*надоели, ибо, поистине, он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста!*⁵¹

Ведущий.

Под пером Батюшкова возникает новый литературный характер: образ человека раздвоенного, внутренне противоречивого, хорошего и вместе с тем внутренне надломленного, похожего (даже и внешне) на лермонтовского Печорина.

Чтец.

*В нём два человека, – продолжает Батюшков. – Один добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил. Другой человек... злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честлюбивый во всех родах честолубия. Этот человек, то есть чёрный – прямой урод. Оба человека живут в одном теле. Кто это?*⁵²

Ведущий.

«Нет, это не Печорин. «Чёрный человек» – это уже что-то есенинское и очень трагичное, ведущее к уничтожению человека...»⁵³

Чтец.

Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать – иногда туп, косноязычен, застенчив. Он жил в аде – он был на Олимпе. Это заметно в нём. он благословен, он проклят каким-то гением... Белый человек спасает чёрного слезаит перед творцом. слезами живого

⁵¹ Там же.

⁵² Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 249-250.

⁵³ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 250.

*раскаяния и добрыми поступками перед людьми. Дурной человек всё портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно?*⁵⁴

Ведущий.

Устав «списывать» черты *странного человека*, Батюшков грустно заключает: *«Это я! Догадались ли теперь?»* И добавляет: *«Пожелаем ему доброго аппетита: он идёт обедать»*⁵⁵.

Неслучайно Батюшков был одним из первых русских поэтов, полюбивших Байрона. Ему не приходилось вставать в романтическую позу: он сам был насквозь романтиком – чёрно-белым, без середины. Но у истоков душевной, человеческой поэзии Батюшкова стоял отнюдь не Байрон.

Константин Батюшков был воспитан «Муравейником». Так ласково именовал свою многочисленную родню Михаил Никитич Муравьёв (1757–1807) – известный поэт, прозаик и просветитель конца XVIII столетия. Он приходился отцом будущим декабристам Никите и Александру Муравьёвым и двоюродным дядей Константину Батюшкову. Именно он открыл племяннику многообразный мир классической древности, мир Горация⁵⁶ и Тибулла⁵⁷, сумел привить поэту светлый оптимизм философских убеждений. Этот оптимизм и надежда на лучшее не покидали Батюшкова и в самые тревожные времена.

Михаил Никитич Муравьёв был одним из немногих, кто сумел понять поэтическую душу Батюшкова. Смеясь, сохранил он его стихи, которые возмущённый начальник канцелярии, где трудился секретарём семнадцатилетний

⁵⁴ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 250.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Квинт Гораций Флакк, очень часто просто Гораций (65 г. до н. э. – 8 г. до н. э.) — древнеримский поэт «золотого века» римской литературы.

⁵⁷ Альбий Тибулл – древнеримский поэт, живший в I веке до н.э.

«ленивец», принёс тайному советнику Муравьёву в качестве доказательства этой лени.

Чтец.

И впрямь, что значит моя лень? – пишет, рассказывая этот эпизод другу, Николаю Гнедичу, Батюшков. – Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает! Нет... если б я строил мельницы, пивоварни, продавал, обманывал и исповедовал, то верно б прослыл честным и притом деятельным человеком⁵⁸.

Ведущий.

Михаил Никитич Муравьёв понял, что скрывается за этой *особенной* ленью Батюшкова, недаром в начале XIX века в просвещённых кругах существовал своеобразный «культ» не только Карамзина, но и Муравьёва, который впервые начал писать «для себя», благодаря чему вместо высокой оды⁵⁹, эклоги⁶⁰, эпистолы⁶¹, воспевания надчеловеческих ценностей, появилась интимная лирика. Стихи превратились в лирический дневник, в поэтическом языке появились нюансы. Скажем, у классицистов «тихий» – только антоним к слову «громкий», а у Муравьёва – «тихий сон», «тихий трепет», «тихая светлость»...

Цикл таких стихов Муравьёв назвал «Лёгкие стихотворения», и отсюда пошло название «лёгкая поэзия».

⁵⁸ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 36-37.

⁵⁹ Ода – торжественное стихотворение, посвящённое какому-нибудь историческому событию или герою.

⁶⁰ Эклога – разновидность идиллии, стихотворение, в котором изображалась сцена из пастушеской жизни (обычно любовная).

⁶¹ Эпистола – литературное произведение в XVIII - начале XIX в. в форме послания, письма.

Чтец.

*В лёгком роде поэзии, – напишет позже Батюшков, – читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях...*⁶²

Ведущий.

Истина в чувствах требует от поэта не идти на поводу у гладкости слога и красоты – это в стихе оказалось недостаточным. Из «уроков» Муравьёва Батюшков понял, что поэзия по своей сути – проникновение во внутренний мир человека. Сознательное «косноязычие» Батюшкова, так ценимое уже в XX веке Мандельштамом, – показатель мучительного, интуитивного поиска новых и новых «богатств» языка для передачи внутренней жизни.

Чтец.

*Я могу ошибаться, – писал поэт, – ошибаюсь, но не лгу ни себе, ни людям. Ни за кем не брожу: иду своим путём. Знаю, что это меня не далеко поведёт, но как переменить внутреннего человека?*⁶³

Ведущий.

Внутренний Батюшков необычен и в любви. Пожалуй, примера такого самоотречения во имя счастья любимой женщины мы не найдём в биографиях других поэтов.

Её звали Анной, Анной Фёдоровной Фурман (1791-1850). Она была прелестной девушкой, которая, сама того не подозревая, пленяла многих. Воспитанница семьи Олениных, Аннета стала любимицей знаменитых литературных старцев – Крылова, Державина, Озерова,

⁶² Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / К.Н. Батюшков; изд. подгот. И.М. Семенко. – Москва, 1977. – С. 11.

⁶³ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 236.

украшением приютинской⁶⁴ гостиной, где собиралось общество избранных литераторов. В неё был влюблён поэт Николай Гнедич, а Батюшков, увлекшись двадцатилетней красавицей в начале 1812 года, пронёс чувство к этой девушке по фронтовым дорогам, он мечтал о ней в Париже и Лондоне.

Чтец.

*Я имя милое твердил
В прозрачных рощах Альбиона
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона⁶⁵.*

Ведущий.

Из заграничного похода Батюшков вернулся с новой и светлой надеждой. В ту пору Аннете шёл двадцать третий год: девушке пора замуж, а приданое невелико. Семья Олениных, Муравьёвы, родные – все были согласны на брак. Но глубоко чувствующий Батюшков понял, что девушка идёт за него не по любви, а по необходимости, из покорности чужой воле.

Чтец.

*Всего ужаснее! Я видел, я читал
В твоём молчании, в прерывном разговоре,
В твоём унылом взоре,
В сей тайной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой весёлости твоей
Следы сердечного терзанья...⁶⁶*

⁶⁴Приютино – усадьба первого директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А. Н. Оленина.

⁶⁵ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 40-41.

⁶⁶ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 197.

Ведущий.

И Батюшков не смог принять от неё эту жертву – свадьба не состоялась. Лишь год спустя он открыл свои переживания в письме вдове Михаила Никитича Муравьёва Екатерине Фёдоровне.

Чтец.

Важнейшее препятствие в том, что я не должен жертвовать тем, что мне всего дороже. Я не стою её, не могу сделать её счастливою с моим характером и с маленьким состоянием. Это – такая истина, которую ни вы, ни что на свете не победит, конечно. Все обстоятельства против меня... Не любить я не в силах. ... Я желал бы видеть и знать, что она в Петербурге, с добрыми людьми и близко вас. Простите мне мою суетную горесть. ...Право, очень грустно! Жить без надежды ещё можно, но видеть кругом себя одни слёзы, видеть, что всё милое и драгоценное сердцу страдает, это – жестокое мучение, которое и вы испытывали: вы любили!..⁶⁷

...Для чего я буду искать теперь чинов, которых я не уважаю, и денег, которые меня не сделают счастливым? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить под одною кровлею в нищете, без надежды?.. Нет, не соглашусь на это, и согласился бы, если б я только на себе основал мои наслаждения! Жертвовать собою позволено, жертвовать другими могут только злые сердца. Оставим это на произвол судьбы..⁶⁸

Ведущий.

Анна Фурман вышла замуж в 1821 году за остзейского негоцианта Адольфа Оома. Когда муж разорился и умер, Анна, оставшись с полугодовалым сыном на руках,

⁶⁷ Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 197-198.

⁶⁸ Там же, с. 198.

принуждена была работать надзирательницей в Воспитательном доме в Петербурге. Впоследствии она стала директрисой Сиротского института, в чём и нашла своё призвание.

Но до сих пор сильнее начинает биться сердце того, кто читает строки знаменитой элегии Батюшкова «Мой гений», посвящённой Анне Фурман. Начиная с Михаила Ивановича Глинки, её перекладывали на музыку многие русские композиторы.

Чтец.

МОЙ ГЕНИЙ

Анна Фёдоровна
Фурман

*О, память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель Гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.⁶⁹*

1815

⁶⁹ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 46-47.

Ведущий.

«О, память сердца!..» В воспоминаниях о Батюшкове одна из немногих близких поэту женщин, добрая и отзывчивая Елена Григорьевна Пушкина⁷⁰, оставила его яркий словесный портрет.

Чтец.

Батюшков был небольшого роста: у него были высокие плечи, впалая грудь, русые волосы, вьющиеся от природы, голубые глаза и томный взор. Оттенок меланхолии во всех чертах его лица соответствовал его бледности и мягкости его голоса, и это придавало всей его физиономии какое-то неуловимое выражение. Он обладал поэтическим воображением; ещё более поэзии было в его душе. Он был энтузиаст прекрасного. Все добродетели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиром, бескорыстие и честность – отличительными чертами его характера. Когда он говорил, черты лица его и движения оживлялись, вдохновение светилось в его глазах. Свободная, изящная и чистая речь придавала большую прелесть его беседе. Увлекаясь своим воображением, он часто развивал софизмы⁷¹. и если не всегда успевал убедить, то всё же не возбуждал раздражения в собеседнике... Я любила его беседу и ещё более любила его молчание. Сколько раз я находила удовольствие в том, чтоб угадывать и мимолётную мысль его, и чувство, наполнявшее его душу в то время, когда он казался погружённым в мечтания...

⁷⁰ Пушкина Елена Григорьевна, урождённая Воейкова (1778-1833) – добрый друг Батюшкова, она заботилась о нём за границей, когда он там лечился, а она – жила с больной дочерью. Е.Г. Пушкина – жена действительного статского советника, известного остролова, переводчика, талантливого актёра-любителя Алексея Михайловича Пушкина (1771-1825), который приходился двоюродным братом матери А.С. Пушкина Надежде Осиповне.

⁷¹ См. сноску 2.

*Тайное сочувствие открывало моему сердцу всё то, что происходило в его душе.*⁷²

Ведущий.

Батюшков нравился женщинам, хотя и не был красив, не умел ухаживать. Но ни одна из них так и не полюбила поэта по-настоящему, не стала его женой. Батюшков же постоянен в любви и дружбе, а потому их потеря для него – источник страданий.

Чтец.

*Что в жизни без тебя? Что в ней без упования,
Без дружбы, без любви – без идолов моих?..
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья.*⁷³

Ведущий.

«Светильник дарованья» погас, когда на светлый разум Батюшкова опустилась тёмная пелена наследственного безумия. Это началось в 1821 году. Он сжёг всё написанное им в Италии, сжёг свою уникальную библиотеку, трижды покушался на самоубийство. Им овладела мания преследования. Потом были долгие годы безумия, которые он провёл в Вологде, в доме своего племянника Г.А. Гревенса⁷⁴, где и скончался от тифа 7 июля 1855 года. Похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре, в пяти верстах от Вологды.

Творческая натура Батюшкова, закрывшись для поэзии, проявила себя в восковой скульптуре, в изобразительном

⁷² Цит. по: Кошелев В.А. Указ. соч. С. 194-195.

⁷³ Там же, с. 198.

⁷⁴ Дом № 2 по ул. Батюшкова в г. Вологде – дом Г. А. Гревенса, племянника и опекуна К. Н. Батюшкова. Построен в 1810 году, ныне – здание Вологодского педагогического колледжа. Здесь Батюшков прожил в угловой комнате на верхнем (втором) этаже последние 22 года жизни. В 1983 году помещение, где жил Батюшков, получило статус музея, где проводятся уроки-экскурсии для школьников, организуются научные конференции, музыкальные и литературные вечера, встречи творческой интеллигенции..

искусстве, в том числе и с натуры. Среди рисунков поэта последних лет жизни много раз встречается одна тема, один пейзаж, так описанный современником: «...Белая лошадь пьёт воду; с одной стороны деревья, раскрашенные разными красками – жёлтой, зелёной и красной, – ...с другой стороны замок, вдали море с кораблями, тёмное небо и бледная луна»⁷⁵.

Встреча с белой лошадью, по преданиям Кацкого стана, собранным основателем Музея кацкарей на Ярославшине⁷⁶ Сергеем Николаевичем Темняткиным, означает близкую смерть. И этому значению вторит деталь повторяющегося рисунка – могила друга, Ивана Петина⁷⁷, 25-летнего полковника, героя Бородина.

*На переднем плане – могила Ивана Петина
Рис. К.Н. Батюшкова*

⁷⁵ Кошелев В.А. Указ. соч. С. 304.

⁷⁶ Интересно, что какое-то время любимые «Пенаты» Батюшкова – имение его матери в сельце Хантаново, где написаны лучшие творения поэта, – было ярославским. С 1917 г. по 1923 годы территория, на которой находилась усадьба К.Н. Батюшкова, сгоревшая в середине XIX века, из Череповецкого уезда Новгородской губернии была передана Пошехонскому уезду Ярославской губернии. Сейчас относится к Вологодской области.

⁷⁷ Петин Иван Александрович (1788–1813) – полковник лейб-гвардии Егерского полка, герой войн против Наполеона, погиб под Лейпцигом в 1813 году.

Сквозь безумие прорывалось самое святое, что было в сердце поэта, – память о погибшем товарище. Ему посвящена одна из лучших элегий Константина Батюшкова «Тень друга» и многие стихотворения. А в письме к матери Петина Константин Николаевич писал:

Чтец.

Мы уважали в нём редкие его качества: неустрашимость в опасности, постоянную кротость, любовь к товарищам, снисхождение к подчинённым, добродушие и откровенность в обществе, светлый ум и прекрасную душу.⁷⁸

Ведущий.

И может быть, тень друга утешила больную страдающую душу Константина Батюшкова, как это бывало даже в самые страшные времена Отечественной войны 1812 года.

Чтец.

*Сердце мое утопает в удовольствии: я сижу в шалаше моего Петина, у подошвы высокой горы, увенчанной развалинами рыцарского замка. Мы одни. Разговоры наши откровенны; сердца на устах; глаза не могут насмотреться друг на друга после долгой разлуки. Опасность, из которой мы исторглись невредимы, шум, движение и деятельность военной жизни, вид войска и снарядов военных, простое угощение и гостеприимство в ставке приятеля, товарища моей юности, бутылка богемского вина на барабане, несколько плодов и кусок черствого хлеба, *parca mensa*⁷⁹, умеренная трапеза, но*

⁷⁸ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе... С. 592.

⁷⁹ Имеются в виду слова из «Анналов» Тацита «*propria et parciore mensa*» («за столом, по чину умеренным»).

приправленная ласкою, – всё это вместе веселило нас как детей. Мы говорили о Москве, о наших надеждах, о путешествии на Кавказ и мало ли о чем ещё! Время пролетало в разговорах, и месяц, выходя из-за гор, отделяющих Богемию от долины дрезденской, заставлял нас, беспечных и счастливых, посреди сердечных излияний откровеннейшей дружбы, дружбы, которой одно воспоминание мне драгоценнее и честей, и славы.⁸⁰

Ведущий.

*О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной...⁸¹*

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / К.Н. Батюшков; изд. подгот. И.М. Семенко; отв. ред. Д.Д. Благой. – Москва: Наука, 1977. – 606, [2] с.: ил. – (Литературные памятники).
2. Батюшков К.Н. Стихотворения / К.Н. Батюшков; сост., вступ. ст. и примеч. И. Шайтанова; худож. А. Митлянская. – Москва: Художественная литература, 1987. – 320 с. – (Классики и современники).
3. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти / В.А. Кошелев. – Москва: Современник, 1987. – 351 с.: ил. – (Любителям российской словесности).
4. Левагина С.Н. Прообраз Родины: святой Кассиан Учемский, К.Н. Батюшков, О.Н. Скобелева // Учемский сборник: материалы 3-й научной конференции «На земле святого Кассиана». Вып. 3. – Мышкин, 2001. – С. 35-42.
5. Пушкин А.С. // А.С. Пушкин. Собрание сочинений: в 10 т. – Москва: Художественная литература, 1975.

⁸⁰ Там же, с. 397.

⁸¹ Батюшков К.Н. Стихотворения... С. 46-47.

О, память сердца! ты сильнее рассудка памяти печальной...»
к 230-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова)

Вечер-портрет

автор-составитель С.Н. Левагина
ответственный за выпуск Н.Н. Щепеткова

Тираж 50 экземпляров

Отпечатано в ГУК ЯО «Областная юношеская
библиотека им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль, Московский проспект, 147